

Марина Туманова

«Потому что я вас люблю»

Сейчас объясню. Попробую объяснить, хотя бы себе: почему я включилась в этот проект? Что заставило? Причин несколько. Но главная — чувство вины. Да! Чувство вины перед детьми, своими и НЕ-своими. Как замечательно точно говорит герой Евгения Леонова в «Старшем сыне» Вампилова: «Вы все мои дети. Потому что я вас люблю!»

Я всегда стеснялась выступить на родительских собраниях в детском саду или позже в школе. Сидела и слушала воспитателей, педагогов, активных мамочек, несущих чушь, стыдясь и за себя, и за них. Но встать и сказать, что думаю совсем по-другому, и даже не в разрез, не перпендикулярно их мнению, а вообще — по-другому, в ином измерении, не смогла, кажется, ни разу, увы.

Дети выросли. Настало время, когда старший внук пошёл в садик и в музыкальную школу, одну из лучших в Москве. И тут я с горечью увидела, что не изменилось НИ-ЧЕ-ГО, при том что всё как раз изменилось кардинально: и внешние условия (стены, мебель, оснащение, одежда, пища), и сами дети, и их взаимоотношения со взрослыми. Но то, что всегда меня мучило, осталось на прежнем уровне. Я имею в виду убожество текстов.

На скольких детсадовских утренниках и школьных праздниках я была за свой родительский и уже бабушкин стаж!.. Меня всегда поражало, что дети заучивают какую-то ахинею, словно не было Пушкина, ну хорошо, давайте ближе — словно нет книг Маршака, Чуковского, Николая Носова, Берестова. У нас прекрасная детская литература. П р е к р а с н а я! Откуда же выплывает такое, например: «Вот летит под Новый год / Выше крыши самолёт»?

Малыши старательно выводят бессмыслицу, у мам и бабушек — слёзы умиления, у меня — ничего, кроме

тоски. Я не знаю авторов этого «шедевра» и знать не хочу. Имя им легион. Их всегда было много, сейчас — ещё больше. Попробуйте-ка приобрести на почте открытку, чистую, не измаранную уже бедными рифмовками типа «поздравляем-желаем». Тиражи огромные, дело, соответственно, денежное, и потому хлебное место рифмоплета занято прочно.

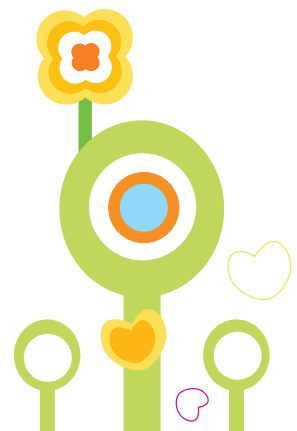
Работая редактором отдела поэзии в литературном журнале, я сталкивалась с графоманами всех мастей, от невменяемых малограмотных старух до профессоров, докторов самых разных наук. Общим у них было одно — активность, возбуждённость, уверенность в своём избранничестве при полной глухоте к слову. Отсутствие рефлексии — серьёзный недостаток, если не диагноз. Человек, не способный сомневаться, опасен для окружающих.

Вот такие, у в е р е н н ы е, и сочиняют тексты для поздравительных открыток, для рекламных роликов, для нашей нетребовательной песенной эстрады. Ну а кто-то пишет сценарии детских утренников. Впрочем, нередко это делают сами воспитатели и учителя. И ничего плохого в том нет, если у них достаточно эрудиции и вкуса, и они, во-первых, возьмут именно с т и х и, а не поделки и к подбору песенок отнесутся так же строго, а во-вторых, надо, чтобы здесь получилось нечто цельное. Чаще лепит-

«ДО» запускает постоянную рубрику посвященную циклу песен "ВеДеДо. Публикацию предваряет статья одного из авторов проекта ВеДеДо Марины Тумановой

ся нескладное поурри из произведений несовместимых. Более того, лихо вносятся «правки» в авторский текст. И вместо «У меня растут года» может запросто прозвучать «У всех у нас растут года». Меня всегда удручало отношение к с л о в у, перевираание стихотворных строк. Читющие и поющие числят себя соавторами поэтов и, ничтоже сумняшеся, коверкают стихи «по своему образу и подобию». Даже не так — к стихам относятся, как к воздуху, как к чему-то такому, что было всегда, а не выстрадано конкретной человеческой душой. Но я увлеклась. Больная тема. Речь-то ведь не только об утренниках, просто это очень показательный момент. Концентрат.

Дети проводят в садике слишком много времени. Пока мы крутимся, работаем, живём своей взрослой жизнью, они живут своей, в которой свои, совсем не игрушечные, проблемы. А

само привыкание к детскому саду, тем паче к ДОУ (ей-богу, даже ГАИ благозвучнее) — настоящее испытание.

До сих пор помню своё недолгое пребывание в детском саду. Я была очень домашним, заласканным ребёнком. Всё было для меня мукой: отсутствие рядом близких, любящих людей, привыкание к лагерному понятию р е ж и м, необходимость есть нелюбимую еду, пить молоко с пенками!.. Ни одного радостного впечатления у меня не осталось.

Почему же я не вспоминала этого, когда отправила в ясли и садик своих детей? Да помнила, просто хотела забыть, отмахнуться от лишних проблем: поплачет — привыкнет. Простите меня, мальчики мои!

Старший в первый день был оскорблён ситуацией: «Они меня даже на кухню не пустили!» И очень долго и упорно отстаивал свою самость: всех сажали лепить, а он брал конструктор, все рисовали — катал машинки. А со средним было хуже. Мы вечно спешили на электричку, всё бегом, бегом и не заметили, что ребёнок у калитки тогдашнего ДОУ переставал разговаривать, а только кивал или качал головой. И до нашего прихода он молчал! И не день, не неделю! Ой, как нескоро мы об этом узнали! Таким потрясением было для него то, что его о т д а ю т в чужие и, видимо, не самые лучшие руки.

Как мне теперь жалко детей! Это не возрастная сентиментальность, другое — мне жаль их неоправданной веры в нас, взрослых.

Я примеряю к своим теперь уже очень взрослым детям песенки из ВеДеДо:

Я весёлый в сад иду!

Ждут меня в моём саду!

Птицы звенькают: «Тень-тень!

Впереди хороший день!»

Может, ошибаюсь, но мне кажется, им было бы с ними легче или даже — легко! — привыкнуть к детскому саду, к распорядку дня. Что ж, поверим на внуках.

Итак, ВеДеДо. Прошлым летом поэт Михаил Грозовский рассказал мне о предложенном ему проекте, который поначалу показался мне утопией, — написать распорядок дня дошкольни-

ка, включающий в себя все основные режимные моменты от пробуждения и зарядки до ночного сна, причём всё это должно было стать песенками! (Потом он говорил, что если бы сразу представлял себе объём работы, ни за что бы не взялся за неё...)

Песенки нужно было написать и от имени ребёнка, и от имени воспитателя, и от имени папы (мамы, бабушки, дедушки). Везде своя стилистика. Требовалось писать в разных размерах. Категорически избегать негатива, даже частицу НЕ употреблять не рекомендовалось. Если счёт, то не «раз-два», а «один-два». Это я только в качестве примеров, было ещё множество условий.

Мне доводилось заниматься литературным переводом. Это поиски свободы в несвободе, нахождение в рамках чьей-то мысли-чувства, вход в иной язык и выход из него в свой, родной, единственный.

Затейная работа была в чём-то близка той — абсолютная несвобода, заданность, из которой нужно выйти со свободным дыханием. Кто понимает — поймёт. А песенки нужны были живые, игровые, внятные, написанные хорошим языком (иначе не стбило ничего и затевать) и в радость маленьким детям!

Одному осилить такой труд было немисливо, и Михаил предложил мне попробовать силы в этом непростом деле.

Вскоре он познакомил меня с автором идеи — композитором Станиславом Коренблитом, который уже тридцать лет работает над своим проектом «Синтез слова и музыки», пишет, как он их называет, нотные портреты классиков русской поэзии. Я удивилась названию, а когда позже прослушала несколько подаренных Станиславом дисков, поняла, что это не просто песни — мелодия словно обостряет слух, мне вдруг с л ы ш н е е стали стихи, даже тех поэтов, к которым я была почти равнодушна...

Новая идея Станислава — написать распорядок дня дошкольника — была из иного ряда, но касалась всё той же главной темы — воспитания человека, сохранения языка.

Лето выдалось апокалиптическое, Москва задышалась от зноя и смога (какие там стихи, какие песни!..), но мягкий, интеллигентный Станислав в работе оказался требователен до жёсткости и совершенно неутомим! Он был не только «идейным вдохновителем и организатором», а организовать пишущую стихи братию очень сложно (вообще-то, не пишущую — тоже), не только писал музыку, но на первых этапах, при записи первых дисков был и единственным исполнителем. И музыкантом, и вокалистом. И студию свою он оборудовал когда-то сам.

Кого-то он заражал своим энтузиазмом, кого-то, наверное, раздражал — новое всегда раздражает, да и жить в таком темпе далеко не каждому под силу.

Мы с Михаилом Грозовским маялись в рамках «технического задания», а у композитора были ещё и свои, не менее строгие рамки — обоснованный педагогами очень узкий музыкальный диапазон (песенки писались для четырёхлеток), не разбежишься. Не уверена ни в тех, ни в других ограничениях, но тут мы просто обязаны были прислушиваться к мнению специалистов.

Ну, вот. Что-то получилось, что-то нет, у меня и сейчас осталось много сомнений. Далеко не всё отшлифовано — нужны средства, и немалые. А судить о том, что получилось, уже не нам. Слово практикующим педагогам, воспитателям, детям. И всем, кому безразличны проблемы детства.

Пробуждение

Стихи М. Грозовского

Музыка С. Коренблита

D H⁷

Мне тепло под одеялом, Но уже пора вставать.

В небе солнце засияло. До свидания кровать!

Em⁷ A⁷ D

В небе солнце засияло. До свидания кровать!

Em⁷ A⁷ D

В небе солнце засияло. До свидания кровать!

Пробуждение

Мне тепло под одеялом,
Но уже пора вставать.
В небе солнце засияло.
До свидания, кровать!

Я потягиваюсь бодро,
Прогоняю сон и лень.
Мне уже четыре года.
Здравствуй, здравствуй, новый день!

